

Татьяна Андреевна Смирнова

Я была девочкой во время войны. Мы уехали через год после начала блокады из Ленинграда.

Весь 1941 и 1942 год мы с мамой были в Ленинграде. Мама была в очень тяжелом состоянии, от голода ноги у нее распухли, и она не ходила.

Последним транспортом мы уехали к родственникам в Ярославскую область. Когда мы ехали через Ладожское озеро, мороз был больше 40 градусов. Был жуткий холод, ветер. Было очень холодно, настолько мы промерзли. Сейчас, когда вспоминаю об этом холоде, думаю, что легче было бы умереть, чем вытерпеть его. Я обморозилась. За озером надо было спускаться с машины, и когда водитель машины помог мне спуститься, спросил: «Это чей ребенок так сильно обморозился?». Я была вся белая, всё лицо и руки были обморожены. За нами должны были прийти машины, чтобы отвезти нас к эшелону. Недалеко от озера стояла церковь, в этой церкви мы ждали, когда нас отвезут к эшелону. К нам присоединилась супружеская пара – беженцы из Белоруссии. Мужчина был в очень тяжелом состоянии, а женщина была очень энергичная. У них с собой были саночки. Женщина сказала: «Давайте поедем сами к эшелону». Мы собрались и сами добрались до эшелона. Мы подъехали к эшелону, он оказался пустым. Мы выбрали вагон потеплее, в выбранном вагоне стояла буржуйка, мы залезли на верхние полки в ожидании остальных. Сидим, ждем. Вдруг слышим голоса – это привезли людей на машинах. Людей выгрузили, увидели нас в вагоне. Сразу начали спрашивать, кто мы такие и откуда появились в вагоне. Даже хотели выгнать нас из вагона. Мы сказали, что мы сами приехали к эшелону, не дожидаясь, когда нас заберут машины. Нас оставили в вагоне. Довольно долго просидели в эшелоне. Поехали. Ехали долго – возможно, неделю. Путь был тяжелый, страшный. Попали под бомбежки.

Семейная пара вышла с нами, так как в Белоруссию они ехать не могли, она была оккупирована.

Приехали и не знаем, куда идти. У родственников были давно и не помнили пути к ним. Оказалось, что нам надо еще 50 км добираться до той деревни, где они жили. Лошадей не было. Мы не могли уехать. Потом нам сказали, что в райцентр приехал мужчина из той деревни, в которую мы должны были попасть. Мама с женщиной из Белоруссии пошли его разыскивать. Им повезло – они нашли его фактически случайно. Он и привез нас в деревню.

Изба, в которой жили наши родственники, была огромная, хорошая. Они были очень трудолюбивые, работающие люди, и хозяйство у них было очень богатое. Встретили они нас очень хорошо, с любовью. Накормили, напоили. Положить нас было некуда, и нам постелили на полу. Прожили мы у них недели 2-3. Спали на полу. Но нам так жить, стесняя людей, даже хоть это были и родственники, было очень неудобно. И мама нашла в деревне женщину, муж которой воевал на фронте, а она жила одна, и мы сняли у нее комнату. Мама устроилась на работу, я тоже работала в колхозе, выполняя различную работу. Научилась запрягать и распрягать лошадь, работать в поле на лошади и многому другому, чего не умела делать городская девочка.

Однажды, а в то время мама уже работала заведующей детским садиком, я работала на лошади в поле. Бежит женщина из деревни и говорит: «Какой-то мужчина вас спрашивает». Мама побежала. Оказалось, что это был мамин брат. Его ранило, и он приехал, чтобы увидеть нас. Обрадовались очень! Да не успели нарадоваться. Ему стало плохо, началась гангрена. В деревне медицинскую помощь ему оказать не могли, и надо было срочно везти его в райцентр. Мы на лошади отвезли его в районный центр. Там в больнице он сразу же попал на операционный стол. Он просил врачей ампутировать ему ногу по колено, чтобы легче было передвигаться. Врачи ампутировали ему ногу по колено и оставили в больнице. Я всё время сидела там, ждала сообщений о состоянии его здоровья. Ему становилось всё хуже и хуже. Пришлось делать повторную операцию и ногу ему отняли полностью. Какое-то время он жил в деревне, но позже моя тетя (мамина сестра), которая жила и работала в это время в Ленинграде, оформила для него вызов в Ленинград, и он уехал. Тогда в Ленинград можно было попасть только по вызову. А тетя всю блокаду проработала в Ленинграде в госпитале.

Был такой случай: нас отправили в лес вязать веники для животных. Мы взяли с собой топоры. Я только махнула топориком по веткам и попала по ноге. Хлынула кровь, рана образовалась глубокая. Прибежали женщины, кто-то из них нашел какую-то травку и приложил к моей ране, кровь поухнула. Привезли меня в деревню, а сами поехали за фельдшером. Маме было дурно, она потеряла сознание. Фельдшер в соседней деревне жил, у них в тот день был какой-то праздник. Его еле уговорили приехать. Приехал он пьяный, еле говорит. А рану надо зашить. Вот он и начал рану зашивать. Я сидела, сжав зубы, героически терпела, пока он зашивал мою рану. После этого я не могла спускаться, ходить, нога болела. На ноге образовался безобразный шрам. Я сидела в горенке, сама спускаться не могла. Костылей тогда не было, и мне подавали ухваты вместо костылей, чтобы я могла передвигаться. Однажды в деревне был праздник. В этот день было очень жарко, я пошла на праздник с помощью этих ухватов. Швы расплзлись. Опять кровь, открытая рана. Фельдшер отказался зашивать рану во второй раз. Но я и сама не дала бы ему еще раз зашивать – натерпелась и в первый. Рана заживала сама. До сих пор дает о себе знать, когда меняется погода.

Мы получили извещение о том, что папа пропал без вести. Маме было плохо, случился обморок. Она не верила в то, что он погиб.

Мы с мамой прожили еще год в деревне. Сестра мамы оформила вызов в Ленинград и нам. Мы приехали в Ленинград, пришли в нашу квартиру, а там стекол в окнах нет, кругом разруха, холодно, неудобно. Жить в нашей квартире мы не смогли и остановились у маминой сестры. Вместе мы прожили до конца войны.

Моя тетя устроила меня в мореходную школу, так как там была и форма, и питание. Я проучилась там 1,5 года, как кончилась война. Я очень хорошо помню, как мы встретили эту весть. Очень яркое воспоминание: по радио, уже поздно было, объявили, что кончилась война. Мы обрадовались, выбежали на улицу. А людей на улице – море. Все ликовали. Радовались. Обнимались. Поздравляли друг друга. Эта радость запомнилась больше всего.

Потом вернулся папа. Во время боя его контузило, и он потерял сознание. Так он попал в плен к немцам. В мирное время он работал инженером, был очень хорошим специалистом. Оказавшись в плену, работал в Прибалтике на сельхоз работах. Освободили их американцы.

Все вместе мы перебрались в свою квартиру.

Жизнь после войны была трудной, питания не хватало, продукты выдавались по карточкам. Очень трудно было жить.

Младшая дочь после окончания школы пошла работать в ЛИТМО и одновременно поступила на вечернее отделение ЛИТМО. Училась на кафедре Русинова, защитила диссертацию и осталась на кафедре. Работает до сих пор, уже 35 лет. Сейчас кафедра называется ПиКО, а заведует кафедрой А.А. Шехонин.

Я отработала в деканате оптического факультета 35 лет диспетчером. Всё время работала со студентами. Моими студентами были А.А. Шехонин, А.В. Иванов. Отношение в институте было очень хорошее, уходила из института со слезами.